

Наш
календарь

Слово о Бартоке

(К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Когда несколько лет назад Будапештская опера привезла в Москву среди других своих работ «Замок герцога Синей Бороды», многие сидящие в зале открыли для себя удивительный мир неизвестного человека, человека обаятельного, немножко грустного, но порой вспыхивающего, как вспыхивают степные небеса перед восходом солнца. Это был Бела Барток.

Теперь, когда венгерское правительство объявило 1961-й год годом Листа — Бартока, когда покойному композитору исполнилось бы семьдесят лет, имеет смысл поговорить о его удивительном и поучительном пути.

При кажущейся неподвижности его жизнь была полна всякого рода бурь — и внутренних, которые — в его музыке, и внешних, о которых говорят события его жизни. Вот главные вехи в биографии Бартока: в 1940 году он бежал из хортистской Венгрии. Барток учился в академии, основанной Листом, учителем Бартока был ученик Листа — известный пианист Иштван Томан. Барток выступил на композиторском приеме в самом начале века. Его первым крупным сочинением была симфония «Кошут». Но не она определила пути Бартока. После четырехтомника фортепьянных пьес для детей он надолго оказался в потоке модернистского искусства, создав в эти годы (1905—1920) балеты «Деревянный принц» и «Чудесный мандарин», «Варварское аллегро», оперу «Замок герцога Синей Бороды».

В начале двадцатых годов Барток открыл для себя Листа. Это сыграло решающую роль в определении его дальнейшего музыкального пути. Правда, начав свои концертные выступления в 1901 году с исполнения листовской сонаты си-минор — одной из вершин листовского гения — и завоевав восторженную оценку слушателей, Барток в последующие годы первого двадцатилетия нашего века увлекся новаторством другого, не листовского направления, хотя и продолжал исполнять творения Листа. И только спустя пятнадцать лет Барток оценил по-настоящему величие Листа. С тех пор героизм великого музыканта, его вера в будущее родного народа, его смелость в поисках стали служить Бартоку величественным и вдохновляющим примером.

В 1924—25 годах Барток издал две монографии. Первая из них была посвящена венгерским народным танцам, а вторая — венгерским народным песням. В эти годы и в последующее десятилетие он создает два фортепьянных концерта, «Светскую кантату», рапсодии для фортепьяно и скрипки, концерт для

двух фортепьяно с ударными инструментами.

В последние годы, живя в Нью-Йорке, Барток пишет свой последний симфонический концерт — одно из самых сильных произведений всей современной музыки: смутная тоска по родине живет в этом концерте с ожиданием еще неясных для автора перемен, но что это были за перемены, может сказать год исполнения концерта — 1943-й, год Сталинградской битвы.

Барток умер вдали от родины в конце сентября 1945 года. Это была тяжелая утрата для его народа и всех любителей подлинного, народного искусства. Спустя десять лет Всемирный Совет Мира посмертно присудил Бартоку Международную премию мира.

Чтобы понять значение Бартока для современной музыки, достаточно остановиться на двух фактах.

Своим творчеством двадцатых и тридцатых годов он, вернувшись к народной основе, показал, что любое модернистское устремление, любое новаторство, не питаемое соками земли, народной жизни, обречено на безысходность, на путешествие в тупик, оказавшись в котором, композитор теряет свою творческую индивидуальность. Питаясь же народным творчеством, композитор может быть и новатором.

И — второе. Творчество Бела Бартока привлекло и привлекает к себе внимание многих выдающихся исполнителей. Достаточно назвать такие блестящие имена: дирижеры Сильвестри, Джордже-ску, Цекки, Сенкар, Шомоди, Ференчик, Гуссенс, пианисты Ани Фишер, Святослав Рихтер, скрипачи Менухин, Затурецки, Шеринг, виолончелист Садло, квартеты Татраи и Раднаи. Творческие поиски и музыкальное наследие Бартока обогащают своим опытом многих современных композиторов — армянина Хачатуряна и болгарина Владигерова, словака Сухоня и турка Сайчуна, не говоря уже о венгерских композиторах, для которых Барток — второй венгерский сочинитель после Листа.

Открыть — еще не значит понять. Открытие должно быть сопряжено прежде всего с удивлением, ибо только вслед за удивлением появится устойчивый интерес к чьей-либо музыке или чьим-либо книгам. Но интерес к Бартоку — не только интерес к его творчеству, это и интерес к его творческому пути, а путь этот поучителен не только для музыкантов, но и для тех, кто не сочиняет, а слушает — то ли отдыхает, то ли набирается новых сил, то ли размышляет.

Никополь. **Б. ШУРДЕЛИН.**